

Стенограмма парламентских слушаний на тему

«Проблемы соблюдения международных соглашений в области разоружения и перспективы развития международного сотрудничества в этой сфере»

27 мая 2016 года

К.И. КОСАЧЁВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Я искренне всех приветствую на сегодняшнем заседании, на наших парламентских слушаниях на очень серьезную тему, посвященную проблемам соблюдения международных соглашений в области разоружения и перспективам развития международного сотрудничества в этой сфере. Тема (думаю, никто с этим не будет спорить) напрямую связана с национальной безопасностью Российской Федерации.

Я хотел бы напомнить, что в последний день прошлого года, 31 декабря 2015 года, Президент Российской Федерации утвердил Стратегию национальной безопасности в ее нынешней редакции, и согласно этому документу Россия выстраивает международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств, опирается на принципы сохранения стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений. Все эти аспекты в том или ином виде зафиксированы в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях, участницей которых является и наша страна. Соглашения регулируют сферу нераспространения, сферу контроля над вооружениями, сферу разоружения.

Вместе с тем в современном международном праве, во всяком случае, по нашей оценке, не существует общепризнанного и универсального обязательства разоружаться. Намерения идти в направлении Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем ограничиваются их констатацией в преамбулах иных договоренностей. И сейчас сложился свод норм, определяющих частичные меры по разоружению, – это запрещение и ликвидация отдельных видов оружия, запрещение их производства, накопления, развертывания и применения, ограничение некоторых видов вооружения в количественном и качественном отношении, сужение возможностей качественного совершенствования оружия, сокращение сферы или районов размещения отдельных видов вооружений. В этой связи вопросы о выполнении существующих международных договоров в этой области и заключении либо выработке хотя бы новых соглашений и договоренностей представляют далеко не праздный интерес.

Очевидно, что ни одна страна, включая Россию, не вправе относиться к собственной безопасности по вторичному признаку. Мы исходим из того, что обсуждение дальнейшего

сокращения ядерного оружия должно вестись с учетом всех факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность. А к этим факторам, безусловно, относятся создание американцами глобальной противоракетной обороны, развитие ими стратегического наступательного оружия в неядерном оснащении в рамках концепции молниеносного глобального удара, угроза появления оружия в космосе (буквально сегодня или вчера президент Обама сделал очередное заявление на этот счет), нарастание количественного и качественного дисбаланса в обычных вооружениях. Серьезное беспокойство уже, так сказать, традиционно вызывает сложная ситуация вокруг вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в силу сохраняющегося жесткого отказа США и ряда других государств его ратифицировать.

Ряд российских экспертов бьют тревогу в связи с отсутствием переговоров по подготовке следующего соглашения о стратегических наступательных вооружениях. А я напомню, что срок действующего истекает уже через пять лет – в 2021 году, и там не предусмотрена процедура его автоматического продления, если он не будет заменен. Он будет сохранен в силе только в случае согласия договаривающихся сторон на такое продление.

США, как известно, отказываются обсуждать ограничения систем противоракетной обороны, блокируют заключение международного договора о предотвращении вывода оружия в космос, инициированного Россией и Китаем. В рамках Конференции по разоружению в Женеве уже долгое время практически без движения находятся переговоры по договору о запрещении производства ядерных материалов для целей создания ядерного оружия. Точно так же нет никакого прогресса в обсуждении проблемы нестратегических ядерных вооружений в Европе, равно как не находят положительного отклика российские инициативы по сотрудничеству в реализации конвенции по биологическим и токсинным видам оружия и по химическому оружию.

По мнению некоторых российских экспертов (подчеркну, некоторых, это далеко не общая точка зрения), контроль над ядерным оружием вступил в стадию самого острого и всеобъемлющего кризиса за всю полувековую историю. Не думаю, что мы должны сгущать краски и драматизировать ситуацию, но точно так же и не следует недооценивать существующие тенденции. Очевидно, что ситуация требует выверенных, но и в то же время свежих, может быть, даже нестандартных решений.

И в этой связи мы специально организовали сегодняшние парламентские слушания в Совете Федерации, чтобы обсудить, насколько достаточны действующие соглашения в этой сфере, насколько эффективно они исполняются и – не в последнюю очередь – есть ли здесь

дополнительное пространство для так называемой парламентской дипломатии, которая совершенно точно пока задействована в данном контексте не в полной мере.

Надо сказать, что существующие межпарламентские площадки – это Межпарламентский союз в первую очередь, Парламентская ассамблея ОБСЕ, Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум – не чураются, я бы так сказал, рассмотрения вопросов, связанных с выполнением международных соглашений в области нераспространения, контроля над вооружением и разоружения. Мы проверили: за последние 20 лет ассамблеи Межпарламентского союза рассмотрели и приняли 14 резолюций по этим вопросам. Очевидно, что эффективность таких решений не всегда соответствует ожиданиям, и не менее очевидно, что мы, парламентарии, можем и должны, наверное, предпринять дополнительные усилия, чтобы как-то изменить ситуацию в лучшую сторону и внести наш посильный вклад в дело обеспечения безопасности Российской Федерации.

И еще одна тема, которая, на наш взгляд, нуждается в обсуждении, – это тема активизации структур гражданского общества в миротворческих усилиях, в движении борцов за мир. Мы помним, насколько эффективными были соответствующие форматы в советское время. В 2017 году в России должен состояться XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Думаю, что там антивоенная тема будет так или иначе звучать, звучать отчетливо, и нам представляется, что активизация этих дискуссий в российском гражданском обществе была бы вполне актуальна и уместна.

За сегодняшним столом я хотел бы еще раз искреннее поприветствовать, без всякого сомнения, команду профессионалов и экспертов, которые занимаются вопросами нераспространения, контроля над вооружением и разоружения, что называется, на повседневной основе и в хорошем взаимодействии друг другом. Все вы здесь друг друга хорошо знаете, это, естественно, облегчает разговор, поэтому надеюсь, что дискуссия без раскачки пойдет в правильном направлении.

На этом я хотел бы нашу дискуссию открыть и попросил бы первым взять слово заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации, хорошо нам известного Сергея Алексеевича Рябкова, курирующего эту проблематику в министерстве.

Прошу Вас.

С.А. РЯБКОВ

Спасибо большое.

Уважаемый Константин Иосифович, уважаемые члены Совета Федерации, участники слушаний, приглашенные! Признателен за возможность поучаствовать в этом важном мероприятии и высказать некоторые соображения о текущей ситуации в этой весьма важной, исключительно чувствительной и ответственной со всех точек зрения сфере.

Позвольте мне выстроить свое выступление от ситуации с универсальными многосторонними соглашениями, дальше – через "двусторонку" (в кавычках), которую мы имеем в этой области с США, и закончить региональными аспектами контроля над вооружениями, в частности на европейском континенте. Я думаю, это логичная схема, и при отсутствии возражений я по ней пройду.

Принципиально важным считаем универсализацию и неукоснительное соблюдение всех имеющихся международных соглашений по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению.

Считаем необходимым на многосторонней основе и далее принимать меры по укреплению существующих конвенционных режимов по реализации конструктивных инициатив в целях выработки возможных новых международных договоренностей, укрепляющих нашу и всеобщую безопасность. Безусловно, одним из приоритетов в области ядерного нераспространения остается укрепление и придание универсального характера Договору о нераспространении ядерного оружия (сокращенно – ДНЯО).

Оценивая сегодня итоги конференции 2015 года по ДНЯО, можно констатировать, что для России они оказались вполне удовлетворительными. По мнению многих участников конференции, Россия показала себя безусловным лидером в поиске развязок по одному из наиболее сложных вопросов в рамках ДНЯО, напрямую замыкающихся на его перспективах, на перспективах этого Договора, а именно по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также средств его доставки.

Наши предложения по Ближнему Востоку получили широкую поддержку среди государств – участников Договора и были полностью включены в проект итогового документа председателя обзорной конференции.

Не видим большой беды в том, что США, Великобритания и Канада заблокировали его принятие. Одобрение итогового документа с набором ряда сложновыполнимых требований в области ядерного разоружения создало бы повод для дальнейшего раскручивания антиядерной риторики и усиления попыток оказать давление на Россию с целью дальнейшего сокращения нашего ядерного арсенала.

В то же время исход конференции в том виде, как это получилось, отчетливо продемонстрировал, что для Вашингтона и двух его союзников интересы укрепления режима ядерного нераспространения стоят отнюдь не на первом месте. Начался новый обзорный цикл ДНЯО. Конференции такого рода проводятся раз в пять лет. Следующая предстоит в 2020 году. Он обещает быть достаточно сложным и напряженным. Легко прогнозируется дальнейшее обострение противоречий между ядерными и неядерными государствами по вопросам ядерного разоружения.

Очевидно, что так называемые ядерные радикалы при широкой международной поддержке продолжают продвижение различных инициатив, направленных на делегитимизацию ядерного оружия под предлогом его несоответствия гуманитарным стандартам, а также выработку юридически обязывающих инструментов, которые предписывали бы ядерным державам, в первую очередь России и США, полную и безоговорочную ликвидацию их арсеналов в жестко фиксированные сроки.

Понятно, что остроту в ходе начавшегося нового обзорного цикла ДНЯО сохранит проблематика создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

Дальнейший застой с выполнением резолюции 1995 года по этому вопросу, которая была неотъемлемой частью решения конференции 1995 года о бессрочном продлении ДНЯО, способен привести к подрыву доверия к Договору со стороны арабских стран.

В этих условиях главную задачу подготовительного процесса и самой конференции 2020 года по ДНЯО видим в обеспечении эффективности и устойчивого функционирования его режима, будем добиваться сближения позиций государств-участников по ключевым вопросам Договора, не допуская при этом раскола и антагонизации, грозящих его расшатыванием. Намерены и далее разъяснять цели и приоритеты внешней политики России в вопросах контроля над вооружениями и в вопросе о перспективах ядерного разоружения, делая особый акцент на важности учета всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность и международную безопасность, о чем уже было сказано во вступительном слове Константином Иосифовичем.

Тупиковой остается ситуация вокруг вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который в этом году отмечает 20-летнюю годовщину со дня открытия для подписания. Позиции восьми государств, а именно США, Китая, Индии, Пакистана, Израиля, КНДР, Ирана, Египта, чья ратификация по положениям самого Договора необходима для его вступления в силу, за последние годы не претерпели существенных изменений. Приходим к выводу, что каких-либо сдвигов в направлении ратификации ДВЗЯИ в США (с оглядкой на

Америку в этом вопросе действуют многие государства упомянутой "восьмерки") до окончания президентского срока Барака Обамы не произойдет.

В условиях сохраняющейся неопределенности в отношении перспектив этого Договора стали появляться различные инициативы, которые нацелены на то, чтобы качественно изменить ситуацию вокруг него. В числе таких инициатив идея о принятии резолюции Совета Безопасности ООН, которая закрепила бы политически обязательный характер моратория на ядерные испытания, а также придала постоянный характер мандату Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Появилась идея выработать совместную декларацию государств, обладающих ядерным оружием, с подтверждением сохранения моратория на ядерные испытания взамен вступления в силу ДВЗЯИ. Появилась идея пересмотреть статью 14 Договора, которая предусматривает его вступление в силу только после ратификации всеми государствами из Приложения 2 к Договору, то есть упомянутой мною "восьмеркой". Будем весьма внимательно подходить к такого рода инициативам. Убеждены, что их реализация чревата тем, что это может поставить нас в неравное положение с де-юре и де-факто ядерными государствами, которые пока остаются вне поля Договора и не связаны обязательствами по нему.

Постепенно набирает динамику реализация Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы. С учетом того, что документ не подписывался и, соответственно, не ратифицировался, все обязательства по нему носят политический характер. Для сохранения устойчивости Совместного всеобъемлющего плана действий особенно важно, чтобы все его участники строго придерживались его буквы и духа. На сегодня можно констатировать, что в целом с этим все в порядке, хотя очевидно, что СВПД по-прежнему сильно подвержен политическим циклам в США, да и в Иране. Есть определенные проблемы с возвращением на иранский рынок международных компаний и финансовых структур, прежде всего из Евросоюза, в бизнес-сообществе сохраняются опасения по поводу возможных штрафов и других карательных мер со стороны США за сотрудничество с Ираном.

Нам представляется, что важно по максимуму использовать снижение напряженности вокруг Ирана, а также наше непосредственное участие в СВПД для придания дополнительного импульса и расширения двусторонних партнерских связей с Тегераном во всех областях.

Убеждены, что центральную роль в разработке возможных новых инструментов в области контроля над вооружениями и нераспространения должна играть Организация Объединенных Наций путем задействования своей так называемой разоруженческой триады, а именно Первого

комитета Генеральной Ассамблеи ООН, Комиссии ООН по разоружению и Конференции по разоружению в Женеве.

К сожалению, за последние годы эти международные структуры и договорные режимы стали объектом не всегда обоснованной критики со стороны радикальных разоруженцев.

Вследствие создания под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН альтернативных, не соблюдающих правила консенсуса разоруженческих площадок, целостность упомянутой триады подвергается эрозии. МИД России предпринимает целенаправленные усилия по активизации ключевой переговорной площадки Конференции по разоружению в Женеве. С 2012 года Россией при поддержке значительной группы единомышленников в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН инициируется совместное заявление в поддержку Конференции по разоружению.

Активно работаем над продвижением весьма актуальной российской инициативы, выдвинутой 1 марта текущего года Сергеем Викторовичем Лавровым, по разработке на Конференции по разоружению международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма. С учетом политической конъюнктуры западники пока реагируют на нашу инициативу прохладно. На деле это подтверждает их слабую заинтересованность в сохранении Конференции по разоружению и всего разоруженческого механизма ООН в целом.

Вместе с тем мы не видим альтернативы упомянутой триаде ООН. Изначально при ее создании закладывался принцип взаимосвязанности, взаимодополняемости и ориентированности на единую цель всех ее элементов. Эти элементы призваны в соответствии со своими мандатами выполнять специфические функции, осуществление которых невозможно делегировать ни одному другому органу, созданному на иных принципах и правилах процедуры.

Важное место в международной архитектуре безопасности играет Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия. Вступившая в силу в 1975 году, она стала первым договором, запретившим целый вид оружия массового уничтожения. Являясь ее депозитарием наряду с Великобританией и США, Россия последовательно уделяет значительное внимание работе в рамках этой Конвенции. Исходим из того, что она должна стать еще более надежным щитом от угрозы использования биологических агентов в качестве оружия.

Нами подготовлен ряд практических предложений по укреплению режима КБТО. Эти инициативы вызвали значительный интерес у многих государств, в особенности развивающихся. Соавторами одного из ключевых российских предложений стали Китай, Белоруссия, Армения. МИД России ведет работу по продвижению этих инициатив и будет добиваться их одобрения на VIII Обзорной конференции КБТО в ноябре текущего года.

В отличие от этой конструктивной линии США своими действиями подрывают режим КБТО. Сорвав еще в 2001 году в одностороннем порядке подходившие в тот момент к завершению длительные многосторонние переговоры по разработке Дополнительного протокола к КБТО и блокируя с тех пор любые конструктивные попытки наладить предметную работу в рамках этой Конвенции, США теперь сетует, что, дескать, нет возможности проверить ее соблюдение. По сути же, США работают на ослабление международного режима запрета биологического оружия и одновременно наращивают собственную военно-биологическую инфраструктуру, размещая ее во многих зарубежных странах, в том числе по периметру границы Российской Федерации. Пентагон построил микробиологическую лабораторию высокого уровня защиты в пригороде Тбилиси – поселке Алексеевке, разместил там свое военно-медицинское исследовательское подразделение. Завершается строительство аналогичного объекта в Алма-Ате. Работа американских военно-биологических лабораторий на территориях других государств носит закрытый характер, и нет никаких гарантий того, что там не осуществляется запрещенная деятельность с биологическими агентами.

Как потенциальный источник распространения эпидемий американские военные биологические лаборатории представляют серьезную угрозу не только для государств, их принимающих, но и для всех соседних стран. МИД совместно с российскими заинтересованными ведомствами последовательно проводит линию на предотвращение таких угроз и информирует международное сообщество о нарастающей в этом плане биоопасности.

Вопросы соблюдения международных разоруженческих соглашений необходимо рассматривать в общем контексте внешнеполитического курса того или иного государства. Особую озабоченность вызывает то, что США упорно отказываются идти на какие-либо договоренности по сохранению космоса свободным от оружия. Речь прежде всего – об американском противодействии продвигаемому нами совместно с КНР проекту международного договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, а также ставшей уже международной инициативе, то есть политическому обязательству, о неразмещении первыми оружия в космосе. При этом Вашингтон сам не выдвигает каких-либо собственных конструктивных идей, проводит линию лишь на дискредитацию наших инициатив.

В последнее время весьма активно с подачи США муссируются слухи о якобы проводимых Москвой и Пекином разработках противоспутникового оружия для нападения на объекты в космосе. Вашингтоном делается вид, что там не замечают очевидного факта, а именно

возможности решить через разработку упомянутого договора и проблему противоспутникового оружия за счет всеобъемлющего запрета на размещение в космическом пространстве оружия любого вида, включая противоспутниковое. А что касается противоспутниковых систем наземного базирования, то эту проблему при наличии политической воли также можно было бы решить через запрет на применение силы, как это зафиксировано в статье 2 российско-китайского проекта договора. Наконец, при присоединении к договору всех космически значимых государств фактически не осталось бы реальных поводов для разработки и использования противоспутниковых средств.

Несмотря на неоднократные разъяснения сути наших инициатив и наши попытки таким образом снять имеющиеся у США озабоченности, Вашингтон продолжает придерживаться своих доктринальных установок на наращивание военно-технологического лидерства и сохранение для себя полной свободы рук в космосе.

Приоритетом в сфере контроля над стратегическими ядерными вооружениями для нас является выполнение российско-американского Договора о СНВ, вступившего в силу 5 февраля 2011 года. Реализация ДСНВ укрепляет международную безопасность и стабильность, способствует упрочению режима нераспространения ядерного оружия, является весомым и наглядным вкладом России в процесс ядерного разоружения. Реализация Договора в целом проходит нормально. В соответствии с договором Россия и США ежегодно полностью выбирают свои квоты по инспекциям, в необходимых случаях проводят показы стратегических наступательных вооружений, осуществляется обмен телеметрической информацией ежегодно по одному российскому и одному американскому пуску баллистических ракет, проходит интенсивный обмен уведомлениями. На сессиях двусторонней консультативной комиссии рассматриваются практические вопросы выполнения Договора. В ходе реализации ДСНВ проводим твердую линию на недопущение получения американской стороной каких-либо односторонних преимуществ.

Стоящей перед сторонами задачей является выход к 2018 году на предусмотренные Договором уровни ограничения СНВ – не более 1550 ядерных боезарядов на 700 развернутых носителях ядерного оружия. Кроме того, каждая из сторон обязалась иметь не более 800 развернутых и неразвернутых пусковых установок стратегических ракет, а также тяжелых бомбардировщиков.

Опубликованные в США документы по развитию ракетных программ этой страны показывают, что там намерены вписаться в заданный срок и установленные Договором лимиты.

Американские представители также дают понять, что выход на предельные уровни по Договору будет осуществлен, возможно, досрочно. Следует при этом отметить, что в ежегодном докладе Госдепартамента Конгрессу США "О соблюдении духа и буквы международных договоров и соглашений в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения в 2015 году" ходу реализации ДСНВ дана положительная оценка.

На этом фоне мы продолжаем плотный мониторинг развития системы противоракетной обороны США, имея в виду взаимосвязь между стратегическими оборонительными и стратегическими наступательными вооружениями, как это зафиксировано в том числе в преамбуле самого Договора, а также влияние этой взаимосвязи на проблематику сокращения СНВ.

За последние годы существенно обострилась ситуация вокруг советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года. Как известно, он запрещает сторонам производить, испытывать и развертывать баллистические и крылатые ракеты наземного базирования с дальностью пуска от 500 до 5500 км, а также пусковые установки для них. Еще раз подчеркну, что речь идет только о ракетах наземного базирования. Мы привержены Договору и выполняем все его положения.

Однако с 2013 года вначале в рамках конфиденциальных контактов, а с 2014 года и публично США стали обвинять нас в нарушении ДРСМД. Вашингтон утверждает, что в 2008–2011 годах на полигоне Капустин Яр испытывалась крылатая ракета наземного базирования на дальность более 500 км, что запрещено Договором. Дополнительно конкретизировать свои претензии американцы отказываются, ссылаясь на нежелание раскрывать источники, указывают лишь, что вызывающая озабоченность крылатая ракета не является межконтинентальной баллистической ракетой РС-26 или крылатой ракетой Р-500.

Представители администрации заявляют, что в связи с российскими нарушениями прорабатываются так называемые ответные меры дипломатического, экономического и военного характера. В последнее время просматривается тенденция к тому, чтобы вписывать их в общие усилия Вашингтона по реагированию на (в кавычках) "агрессивное российское поведение".

Американские претензии неоднократно обсуждались на различных уровнях. Однако пока не удастся урегулировать ситуацию в связи с неготовностью США идти навстречу нашим озабоченностям, а также предоставить, в общем-то, столь необходимую для продолжения нормального диалога информацию о сути их претензий к нам.

Что касается нашей позиции, то мы давно высказываем Вашингтону очень серьезные претензии в части соблюдения США этого же самого Договора. Считаем не соответствующей

целям и задачам Договора широкомасштабную программу разработки и испытаний в США баллистических ракет-мишеней, воспроизводящих баллистические ракеты средней и меньшей дальности. В равной степени считаем не вписывающимися в требования Договора производство и широкое применение ударных беспилотных летательных аппаратов, которые функционально и юридически являются крылатыми ракетами средней дальности наземного базирования. Именно так читаются соответствующие определения Договора.

Эти вопросы мы поднимаем в диалоге с американцами уже долгое время. К ним добавилась относительно новая проблема – размещение на базах противоракетной обороны в Европе, включая недавно открытую базу такого рода в Девеселу в Румынии, пусковых установок, идентичных тем, которые используются на кораблях военно-морских сил США для запуска крылатых ракет "Томагавк".

Американцы утверждают, что данные пусковые установки якобы технически не способны осуществлять пуски крылатых ракет, но подобные заявления ничем не подтверждаются, и их невозможно проверить. Диалог с Вашингтоном по вопросам выполнения этого Договора будет продолжен.

Россия прилагает последовательные усилия по купированию непрекращающихся попыток стран Запада, и прежде всего США, превратить режим Конвенции о запрещении химического оружия в инструмент обслуживания их политических интересов в Ближневосточном регионе, прежде всего применительно к Сирии. Через профильные международные структуры, прежде всего Совет Безопасности ООН и Организацию по запрещению химического оружия, западники продолжают давление на правительство Башара Асада с целью его дискредитации, выдвигая голословные обвинения в нарушении Конвенции о запрещении химического оружия. Одновременно они блокируют наши целенаправленные усилия по продвижению в Совете Безопасности ООН давно назревшего вопроса о необходимости принятия жестких мер в связи с возрастающей угрозой международного химического терроризма, предусматривающих в том числе реформирование в этих целях мандата функционирующего с прошлого года совместного механизма ОЗХО и ООН по расследованию случаев применения химоружия в Сирии. В этом вопросе мы действуем в тандеме с нашими друзьями и партнерами из КНР.

МИД России совместно с Минпромторгом России и Минобороны России оказывает Дамаску консультативное содействие по вопросам его участия в КЗХО, а также внешнеполитическую поддержку в СБ ООН по проблематике химдемилитаризации. Мы не

допускаем того, чтобы деструктивная политика Вашингтона и его союзников в отношении Дамаска возымела превалирующее звучание.

Несмотря на отсутствие у ОЗХО каких-либо претензий к России, Госдепартамент США в ежегодных докладах Конгрессу, в том числе и в упомянутом докладе за 2015 год, продолжает муссировать необоснованные обвинения в наш адрес в якобы неполном объявлении Россией при присоединении к КЗХО своего химарсенала, а также профильных научно-исследовательских и производственных мощностей. Мы даем этому соответствующий отпор, включая публичные оценки, указывая, с одной стороны, на несостоятельность претензий, на полное выполнение Россией всех обязательств, вытекающих из КЗХО. Мы движемся к ликвидации нашего химарсенала, и не далее как вчера генерал-полковник Капашин заявил, что осталось уничтожить не более 6,5 процента. Кроме того, мы обращаем внимание на нарушение американцами их собственных обязательств по КЗХО во время оккупации Ирака. Речь, в частности, идет об уничтожении найденных химбоеприпасов времен Саддама Хусейна с грубым нарушением конвенциональных требований.

Теперь что касается европейских дел. Здесь значимой мерой доверия видим Договор по открытому небу. Он позволяет обеспечивать адекватный уровень оценки и контроля за военной деятельностью государств-участников, а также за соблюдением соглашений в области контроля над вооружениями. Посредством проведения наблюдательных полетов над территориями друг друга на сертифицированных самолетах с аппаратурой наблюдения, которая содержит технические ограничения, регламентируемые самим Договором, государства-участники имеют возможность в режиме реального времени убеждаться в действительном положении дел с военной активностью наблюдаемого государства.

На сегодняшний день мы рассматриваем это соглашение как полезный инструмент укрепления доверия. Уже 14-й год он функционирует без крупных системных сбоев. Его полезность доказывается практикой проведения наблюдательных полетов, в ходе которых помимо рутинного сбора информации существует возможность в периоды кризисных ситуаций опровергать разного рода домыслы и провокационные вбросы. Так было в период острого кризиса на Востоке Украины, когда иностранные миссии наблюдения смогли убедиться в отсутствии чрезмерных накоплений войск и вооружений в приграничных зонах и в их полном отсутствии на территории Донбасса.

Сейчас Договор вступил в новую технологическую фазу развития, что связано с переходом на цифровые технологии. То есть на смену пленочной аппаратуре наблюдения

приходит матрично-цифровая, но она также содержит все те же самые договорные ограничения, что и предшествующая категория.

Россия первая ввела в строй и использует цифровые платформы. Пока такая имеется на региональном самолете Ан-30Б, в основном используемом для полетов над европейскими участниками Договора. Но в июле надеемся сертифицировать более мощную платформу на базе Ту-154М, которая будет применяться для полетов в Северной Америке. Посмотрим, как поведут себя на этом мероприятии представители США. Надеемся на объективный подход, несмотря на близкие к паническим настроения некоторой части американских специалистов по поводу перспективы полетов русских цифровых платформ над США.

Хотелось бы еще раз отметить, что в целом Договор функционирует без серьезных сбоев, что не исключает однако наличия взаимных претензий по поводу некоторых действий партнеров и различий в толковании тех или иных положений Договора. Мы стараемся решать эти проблемы в диалоговом режиме в рамках Консультативной комиссии по открытому небу в Вене. На сайте МИДа вы можете при желании найти наши контраргументы на выпады американских коллег, с которыми приходится сталкиваться как в Конгрессе США, так и в средствах массовой информации.

Если в обозримом будущем не произойдет политического подрыва этого соглашения, то оно будет развиваться и совершенствоваться как уникальный элемент прозрачности.

Другой мерой доверия в Европе является Венский документ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности. В последние годы в докладах Госдепартамента регулярно воспроизводятся обвинения в адрес России (в кавычках) "в избирательном выполнении" и якобы недостаточной прозрачности по Венскому документу. Однако следует констатировать, что никакой необычной или незапланированной военной деятельности, ни превышения параметров уведомляемой деятельности Вооруженных Сил так и не было зафиксировано в ходе проведенных на нашей территории многочисленных инспекций.

С конца 2015 года со стороны западных партнеров зазвучала идея о необходимости разработки в рамках ОБСЕ дополнительной договоренности в целях предотвращения инцидентов на море и в воздухе по периметру европейской границы России. У нас имеются межправительственные соглашения о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод и в воздушном пространстве над ними с 14 государствами, большинство из которых – страны НАТО, а также ряд других двусторонних договоренностей о предотвращении опасных инцидентов военного характера. Мы их неукоснительно соблюдаем. Взятый после

государственного переворота на Украине официальный курс НАТО на сдерживание России и дальнейшее изменение баланса сил в европейском регионе в свою пользу, в том числе в непосредственной близости от наших границ, идет вразрез с декларированной нацеленностью США и их союзников на существенную модернизацию Венского документа 2011 года.

В этой связи продвигаемые западниками предложения – не более чем новая попытка навязать России несбалансированные, односторонние решения, нацеленные исключительно на повышение транспарентности только российских Вооруженных Сил.

Инициатива западных коллег по модернизации Венского документа 2011 года страдает и другим фундаментальным изъяном, а именно нежеланием учитывать теснейшую взаимосвязь между режимом контроля над обычными вооружениями в Европе и общеевропейским режимом мер доверия и безопасности. Поэтому в отсутствие ясности в отношении судьбы самого режима контроля над обычными вооружениями, когда прежний ДОВСЕ изжил себя, а ничего нового ему на замену пока нет и не предвидится, всерьез заниматься глубоким обновлением ВД-2011 попросту невозможно.

Не НАТО, а именно Россия первой в свое время указала на необходимость глубокого обновления свода правил европейской безопасности, предложив заключить договор о европейской безопасности, который учитывал бы в полной мере современные реалии на континенте.

К сожалению, вместо ликвидации разделительных линий в Европе западные коллеги сделали выбор в пользу полностью закрытой архитектуры безопасности на основе непрекращающегося расширения НАТО в ущерб развитию и укреплению общеевропейских институтов и за счет безопасности государств, которые не стремятся в НАТО. Процессы, которые мы наблюдаем, – лишь внешнее проявление глубокого системного кризиса, в котором оказалась жесткая безопасность в Европе и ее важная составляющая – контроль над обычными вооружениями.

В условиях острой фазы конфликта на Украине США и их союзники стали использовать инструменты контроля над вооружениями и мер доверия как своеобразные рычаги политического давления на нас, а также в целях ведения информационной войны против России. Мы этому даем надлежащий отпор.

Перспективы разработки нового режима контроля над обычными вооружениями в Европе на принципах равной и неделимой безопасности, сбалансированности прав и обязательств сторон могут и должны рассматриваться в контексте восстановления адекватного уровня доверия и нормализации отношений НАТО и западных стран с Российской Федерацией, включая полное

восстановление военного сотрудничества. Западным коллегам хорошо известно о нашей готовности к таким контактам, "мяч" на их стороне, однако в НАТО, похоже, не готовы положить на стол переговоров какие-либо конкретные идеи, в том числе с учетом "украинского фактора" (в кавычках), а также предстоящих выборов в США. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое, уважаемый Сергей Алексеевич, за столь обстоятельное и глубокое изложение текущей ситуации и имеющихся проблем, а самое главное, перспектив решения этих проблем, во всяком случае, если взять за основу российские предложения и инициативы, которых действительно более чем достаточно.

Я специально не ограничивал регламентом основного докладчика с учетом важности информации, которую мы сейчас услышали. Прошу всех содокладчиков соблюдать регламент. Вот у меня тут написано: до 10 минут, но если до семи минут получится, это будет воспринято, я думаю, с благодарностью.

Евгений Юрьевич Ильин, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны.

Подготовиться Холстову.

Е.Ю. ИЛЬИН

Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемый Константин Иосифович, уважаемые товарищи, члены Совета Федерации, дамы и господа! Сергей Алексеевич дал в своем выступлении детальный анализ всей разоруженческой проблематики, поэтому я в своем выступлении хотел бы ограничиться основной проблематикой ядерного разоружения, так как (об этом сказал в своем вступительном слове Константин Иосифович) эта проблематика сегодня находится в наиболее глубоком кризисе со времен холодной войны. Тем не менее вопросы ядерного разоружения продолжают находиться в центре внимания Министерства обороны. Это связано с тем, что дискуссии о судьбе и перспективах ядерного разоружения продолжаются, рождается много новых идей, от умеренных (продолжение сокращения по схеме ДСНВ) до достаточно амбициозных, таких как предложение о глобальном ядерном поле. Все больше экспертов соглашались с тем, что вопрос о дальнейшем сокращении ядерных вооружений выходит сегодня за рамки традиционного российско-американского диалога. Вместе с тем полное и всеобщее ядерное разоружение – это вопрос не ближайшего будущего, это длительный процесс, достижение конечной цели которого должно способствовать в первую очередь укреплению

режима нераспространения и повышению доверия между всеми участниками разоруженческого процесса.

Как мы знаем, реинкарнация идеи полного ядерного разоружения была озвучена в инициативах президента США, о которых было заявлено в известной пражской речи. Вместе с тем сегодня мы видим, что президент, объявивший разоружение одним из приоритетов центральных элементов в своей политике в области безопасности, по сути, положил начало наиболее масштабной модернизации американского ядерного потенциала с момента завершения холодной войны. При этом администрацией были приняты решения о замене средств доставки ядерного оружия, полной модернизации боезарядов и масштабном обновлении существующей ядерной инфраструктуры.

В 2017 финансовом году администрация США планирует затратить на цели разработки, поддержания и модернизации ядерных вооружений, в том числе средств доставки, около 9 млрд. долларов. В общей сложности бюджетная смета на реализацию всех программ по стратегическому арсеналу составит 1 трлн. долларов.

На этом фоне американская сторона предъявляет нам, как об этом сказал Сергей Алексеевич, голословное обвинение в нарушении Договора о РСМД. Подкрепить эти обвинения конкретными фактами не получается, скорее всего, таких фактов у американских партнеров нет. Поэтому у нас складывается впечатление, что цель Вашингтона заключается в том, чтобы отвлечь внимание в первую очередь от тех действий, когда администрация США действует вольно в трактовках отдельных положений Договора о РСМД, когда они препятствуют развитию важных для Вашингтона вооружений. Как сказал Сергей Алексеевич, речь, в частности, идет о пусковых установках Mk 41 и наземных противоракетных комплексах Aegis Ashore, которые уже размещены в Румынии и планируются к размещению в Польше. На кораблях эти установки используются для запуска как противоракет "Стандарт-3", так и крылатых ракет средней дальности "Томагавк". Их появление на суше противоречит ограничениям, предусмотренным Договором о РСМД. В этом мы четко уверены, и наш анализ показывает, что это действительно представляет серьезную угрозу в том числе для безопасности нашей страны.

Много вопросов возникает и в связи с использованием в США при испытаниях ПРО ракет-мишеней, сходных по характеристикам с ракетами средней и меньшей дальности. Есть основания полагать, что под видом испытаний средств ПРО в США отрабатываются вопросы применения запрещенных Договором ракет средней и меньшей дальности.

О проблематике использования и производства ударных и беспилотных летательных аппаратов Сергей Алексеевич также сказал. Мы полностью поддерживаем ту оценку, которая приведена в его выступлении.

Хотел бы обратить ваше внимание на то, что много вопросов вызывает и практика совместного использования ядерного оружия американцами и их партнерами по НАТО. Мы знаем о проведении тренировок, связанных с подготовкой и применением ядерного оружия личным составом вооруженных сил неядерных государств – членов альянса, а также тех действиях, которые предпринимаются по созданию и модернизации существующей инфраструктуры на территории европейских союзников США.

Решения саммита НАТО в Уэльсе подтвердили неизменность подхода в альянсе к ядерным миссиям. При этом практика совместного использования НАТО ядерного оружия напрямую противоречит ключевым положениям ДНЯО, о котором тоже упоминал Сергей Алексеевич.

Со своей стороны, мы строго выполняем обязательства в сфере ядерного разоружения. Хотел бы напомнить, что только в рамках выполнения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности от 1987 года с российской стороны было уничтожено 1800 баллистических ракет и крылатых ракет наземного базирования дальностью от 500 до 5500 километров. Также уничтожено более 800 пусковых установок к ним, деактивировано более 3 тысяч ядерных боеголовок совокупной мощностью в 500 тыс. килотонн.

Выполнены обязательства по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 года и Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 года. Наряду с ограничением СНВ был существенно сокращен арсенал тактического ядерного оружия. При этом остающиеся средства были переведены в неразвернутое состояние и сосредоточены на базах хранения в пределах национальной территории Российской Федерации. В результате выполнения этих договоренностей ядерные вооружения сокращены за последние 25 лет более чем в пять раз, об этом надо все время помнить и использовать в нашем диалоге с партнерами.

В настоящее время продолжается выполнение обязательств по Договору между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению СНВ. Наша оценка совпадает с тем, что сказал Сергей Алексеевич. Мы удовлетворены действиями наших партнеров и, со своей стороны, рассчитываем на полное выполнение взятых на себя обязательств в установленные сроки.

Уважаемый Константин Иосифович, уважаемые члены Совета Федерации! Ядерное разоружение не может рассматриваться в отрыве от всего комплекса факторов. Часть этих факторов, которые влияют на стратегическую стабильность, перечислил в своем вступительном слове Константин Иосифович. Я хотел бы, может быть, их немножко отранжировать и повторить для общего понимания. В первую очередь к таким факторам, которые влияют на дальнейшее ядерное разоружение, относится неограниченное развертывание глобальной системы ПРО США. Мы видим, что эти работы продолжаются, несмотря на ранее сделанные политические заявления о возможном пересмотре этой программы. Продолжается развитие высокоточного оружия большой дальности в неядерном оснащении в рамках реализации концепции глобального удара.

Мы видим проблемы с отсутствием прогресса в ратификации ДВЗЯИ в США и других государствах, о чем подробно сказал в своем выступлении Сергей Алексеевич.

Также в качестве проблем хотел бы отметить размещение оружия в космосе и наличие количественных и качественных дисбалансов в обычных вооружениях.

Сегодня все более актуальной становится проблема перевода процесса ограничения и сокращения ядерного оружия в многосторонний формат с подключением всех государств, обладающих военным ядерным потенциалом.

Негативным фактором является и низкий уровень доверия между странами, который мы наблюдаем сегодня. В условиях беспрецедентного со времен холодной войны наращивания военного потенциала НАТО у российских границ о доверии говорить сложно. Поэтому при определении перспектив международного сотрудничества в области разоружения, мы полагаем, необходимо учитывать все эти факторы. Выделять только ядерное оружие как особую категорию, по которому в этих условиях возможны договоренности, на наш взгляд, представляется нелогичным. Спасибо за внимание.

К.И. КОСАЧЁВ

Большое спасибо, Евгений Юрьевич.

Виктор Иванович Холстов, директор Департамента реализации конвенционных обязательств Министерства промышленности и торговли. Прошу Вас.

Подготовиться Вадиму Петровичу Кучинову.

В.И. ХОЛСТОВ

Уважаемый Константин Иосифович, уважаемые члены Совета Федерации, уважаемые участники совещания! Минпромторг России в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 года № 438 выполняет функции уполномоченного

(национального) органа по выполнению обязательств по Конвенции о запрещении химического оружия и по Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия.

Соответственно, в России в целях выполнения международных обязательств по нераспространению химического, биологического оружия создана, совершенствуется и эффективно применяется необходимая законодательная и нормативная база, направленная на исключение возможности проведения деятельности в нарушение положений как КЗХО, так и КБТО. Принятые законодательные и нормативные акты обеспечивают выполнение международных обязательств в полном объеме, в том числе в части предотвращения и пресечения деятельности любых физических и юридических лиц в нарушение указанных конвенций.

Что касается выполнения мероприятий Россией, то можно отметить следующее. В настоящее время Российская Федерация в полном объеме выполняет обязательства и активно это осуществляет. Несмотря на то что, принимая на себя обязательства в 1997 году, не имелось необходимых мощностей для решения задач, связанных с уничтожением всех запасов химического оружия, сегодня все семь объектов, необходимых для полного уничтожения химического оружия, созданы. К настоящему времени выполнены обязательства, связанные с уничтожением химического оружия категории 3 – это неснаряженные корпуса авиационных боеприпасов, а также различного рода пороховые заряды, разрывные заряды. Полностью уничтожено химическое оружие категории 2 – снаряды ствольной артиллерии, снаряженные фосгеном. В настоящее время (в конце 2015 года) на шести объектах по уничтожению химического оружия завершено полное уничтожение всех отравляющих веществ нервнопаралитического типа и кожно-разрывных отравляющих веществ. И в настоящее время функционирует один заключительный объект в Кизнере Удмуртской Республики. И, как Сергей Алексеевич отметил, действительно по состоянию на сегодняшнюю дату осталось уничтожить 6,5 процента запасов (2630 тонн). Соответственно, полное уничтожение химического оружия в соответствии с решением Президента Российской Федерации должно завершиться до 31 декабря 2020 года.

Что касается международных аспектов химического разоружения, я хотел бы отметить, что в настоящее время в рамках Организации по запрещению химического оружия участвует 192 государства (98 процентов), то есть это действительно всеобъемлющая Конвенция. Вне международно-правового поля остаются четыре страны – это Египет, Израиль, КНДР и Южный Судан. При этом Израиль Конвенцию подписал, но не ратифицировал.

Из восьми государств, которые заявили об обладании химическим оружием (Албания, Индия, Республика Корея, Ливия, Ирак, Сирия, Соединенные Штаты Америки и Россия, о которой я уже сказал, о выполнении задач), четыре уже завершили свои программы химического разоружения: Албания – в 2007 году, Корея – в 2008 году, Индия – в 2009 году, Сирия – в 2015 году.

Соответственно Соединенные Штаты Америки уничтожили около 90 процентов своих запасов категории 1 и в соответствии с планами, представленными в Организацию по запрещению химического оружия, планируют завершить уничтожение в 2023 году. Ливия уничтожила 100 процентов своих запасов категории 1 (небольшие объемы) и половину запасов категории 2. Ирак продолжает работу по обеспечению представления в ОЗХО своего общего плана уничтожения объявленного химического оружия, которая несколько затягивается с учетом той ситуации, которая складывается в этой стране.

При этом надо отметить, что угроза распространения и применения химического оружия оценивается в мире как очень серьезная и реальная. Отмечается растущая заинтересованность в приобретении химического оружия со стороны террористических организаций. И действительно подтверждением этому являются события, которые, мы знаем, происходят сегодня и в Ираке, и в Сирии, когда именно применяются не просто обычные химикаты, а в том числе и химическое оружие и его компоненты. Это говорит о том, что в настоящее время сохраняется возможность производства химического оружия в ограниченных количествах и приобретения этого оружия террористическими организациями с целью устрашения или принуждения.

Именно на запрет подобных действий со стороны террористических организаций, других негосударственных субъектов направлена инициатива, выдвинутая МИД России (о чем Сергей Алексеевич сказал), связанная с разработкой конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма. Минпромторг России в полном объеме поддержал такой подход и оказывает необходимое содействие в ее продвижении. Вместе с тем, как Сергей Алексеевич отметил, я бы даже сказал, может быть, более жестко, данная инициатива натолкнулась на сильное сопротивление именно со стороны Соединенных Штатов Америки и их союзников.

Что касается ежегодного доклада Госдепартамента Конгрессу США "О соблюдении духа и буквы международных договоров и соглашений в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения в 2015 году", то я хотел бы отметить, что все инсинуации, которые есть в этом документе, направлены именно на то, чтобы принизить роль и значение тех

усилий, которые прилагает Россия в деле выполнения Конвенции, связанной с полным запрещением и уничтожением химического оружия.

Что касается Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, то в настоящее время в этой Конвенции участвуют 174 государства, то есть 89 процентов. Вне международно-правового поля Конвенции остаются 22 страны. Причем участниками Женевского протокола являются 138 государств, но не все из этих государств сняли оговорки, которые позволяют им применять химическое и биологическое оружие как ответные меры. В частности, Соединенные Штаты Америки тоже такую оговорку не сняли к Женевскому протоколу от 1925 года. Мы этот вопрос неоднократно поднимали, естественно, под эгидой МИД России, но движения в этом направлении со стороны Соединенных Штатов Америки не видно.

Кроме того, в настоящее время не принят юридически обязывающий механизм проверки выполнения КБТО, и США блокируют разработку и принятие такого международного документа. Поэтому, безусловно, остается угроза разработки и применения такого биологического оружия.

Особо здесь хотелось бы подчеркнуть, что научно-технологические разработки и достижения последних лет в области биологии, биотехнологий открывают широкие возможности модификации традиционных и нетрадиционных биологических агентов, которые могут применяться в качестве биологического оружия. Расширяется сеть лабораторий, обладающих высокой степенью биологической безопасности – BL-3, BL-4 (это высшие уровни), для ведения работ с опасными возбудителями инфекционных болезней. Многие иностранные государства, среди которых доминирующее место занимают Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Швеция, Китай, Германия, Франция, Канада, Япония, имеют биологические программы научных исследований, которые можно квалифицировать как программы двойного назначения.

Соответственно, с учетом доклада Сергея Алексеевича я хотел бы остановиться только на том, что в настоящее время вызывает особую озабоченность биологическая деятельность Соединенных Штатов Америки на постсоветском пространстве, то есть в тех государствах, которые пограничны с Российской Федерацией, а именно создание центров, которые полностью принадлежат Соединенным Штатам Америки, финансируются ими и, соответственно, выполняют те задачи, которые они ни в коей мере никак не объявляют. Мы об этом неоднократно заявляли в рамках встреч, совещаний государств – участников Конвенции, но реакции такой в этом плане пока нет.

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что разделом 817 "Патриотического акта" Соединенных Штатов Америки, который был принят в октябре 2001 года, из-под уголовной

ответственности выведена запрещенная Конвенцией деятельность в части биологического оружия, если она санкционирована правительством Соединенных Штатов. То есть это ворота, которые открыты сегодня. И я полагаю, что именно в рамках такой законодательной деятельности в 2014 и 2015 годах Соединенные Штаты Америки рассылали споры сибирской язвы и других биологических агентов, причем живые. Всего было направлено около 190 различных таких посылок по центрам, в том числе в семи зарубежных государствах, без какого-либо уведомления и без какого-либо сообщения об этом на соответствующих уровнях.

Но нами принимаются меры, и, соответственно, МИД Российской Федерации передана памятная записка в марте текущего года американской стороне по всем тем озабоченностям, которые сегодня существуют. Но при этом, как просматривается, американцы хотят вопрос из многостороннего уровня своих нарушений Конвенции перевести на двусторонний. Я думаю, что необходимые меры МИДом совместно с другими ведомствами будут приняты. Спасибо за внимание.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое.

И четвертое ведомство, уполномоченное на соответствующие действия, – госкорпорация "Росатом". Слово предоставляется Владимиру Петровичу Кучинову, советнику генерального директора госкорпорации "Росатом".

Подготовиться Рогову. И мы тем самым начнем уже экспертные обсуждения этой темы.

В.П. КУЧИНОВ

Спасибо.

Уважаемый Константин Иосифович, уважаемые сенаторы, участники слушаний! Государственная корпорация "Росатом" принимает активное участие в реализации международных соглашений и договоренностей в сфере разоружения, обеспечении в пределах своей компетенции выполнения соответствующих обязательств, предусмотренных этими договорами.

Свою основную задачу мы видим в предоставлении технической экспертизы в целях обеспечения эффективного и качественного функционирования международных разоруженческих механизмов. В первую очередь речь идет о соблюдении обязательств по нераспространению ядерного оружия, вытекающих из участия Российской Федерации в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в частности, представители госкорпорации участвуют в обзорных конференциях и сессиях Подготовительного комитета Обзорной

конференции по рассмотрению действия ДНЯО и связанных с ним рабочих мероприятиях. Наряду с разоруженческими аспектами статьи 6 ДНЯО акцент делается на вопросах продвижения сотрудничества в области мирного использования атомной энергии по статье 4.

В текущем обзорном процессе можно ожидать нарастания противоречий между ядерными и неядерными державами по всем основным составляющим ДНЯО. В этой связи важно не допустить их дальнейшего углубления и создать необходимые условия для эффективного и устойчивого функционирования этого режима. В качестве важной составляющей процесса ядерного разоружения рассматриваем неукоснительное соблюдение Россией положений российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ).

Госкорпорация "Росатом" на постоянной основе предоставляет информацию о состоянии и возможностях научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы, производственных мощностей в части, касающейся реализации положений Договора, а также сведения о ходе ликвидации и утилизации выведенных из боевого состава стратегических наступательных вооружений. Периодически специалисты госкорпорации участвуют в работе двусторонней консультативной комиссии по ДСНВ. В части, касающейся Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), в рамках госкорпорации "Росатом" в числе прочего на регулярной основе осуществляется анализ информации по вопросам создания и совершенствования ядерного оружия за рубежом в условиях запрещения ядерных испытаний.

Госкорпорация принимает участие в подготовке предложений о разработке оперативных руководств в отношении международной системы мониторинга, Международного центра данных Организации по Договору и инспекции на месте, регулирующих вопросы осуществления контроля за его реализацией, а также соображений о внесении изменений в эти руководства, с тем чтобы в максимальной степени учесть и отстоять российские интересы. Кроме того, решается задача продвижения российских разработок в области контроля за соблюдением Договора.

Несмотря на значительный прогресс в формировании необходимой для эффективного функционирования ДВЗЯИ инфраструктуры, вероятность вступления его в силу, к сожалению, близка к нулю. Об этом уже говорилось, по существу создалась патовая ситуация. И здесь дело не только в позиции Вашингтона, отказывающегося ратифицировать Договор, но и в неразрешимых на данный момент противоречиях регионального характера в Южной Азии – между Индией и Пакистаном и на Ближнем Востоке – Израиль, Иран, Египет.

Исходя из этого представляется важным внимательно отслеживать и противодействовать различным инициативам в отношении Договора (о чем также Сергей Алексеевич довольно подробно сказал), которые способны качественно изменить положение вокруг него и поставить Россию в неравное положение с де-юре и де-факто ядерными государствами, которые пока остаются вне ДВЗЯИ и поэтому не связаны никакими обязательствами в вопросе запрета на проведение ядерных испытаний.

Крайне неопределенными остаются перспективы начала или возобновления работы над еще одним важным разоруженческим механизмом – Договором о запрещении производства расщепляющегося материала для целей ядерного оружия (ДЗПРМ), где госкорпорация "Росатом" имеет необходимые технические компетенции и готова оказать содействие, если в рамках Конференции по разоружению будет принято соответствующее политическое решение. Полагаем, что возможный перенос работы над ДЗПРМ в другие форматы противоречил бы российским интересам.

Наряду с международными договорами госкорпорация активно реализует двусторонние соглашения, затрагивающие разоруженческую сферу. Прежде всего, хотел бы выделить российско-американское межправительственное Соглашение об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области (далее – СОУП), в соответствии с которым каждая из сторон должна утилизировать не менее 34 тонн плутония оружейного качества.

Утилизация предполагает сжигание плутония в составе МОХ-топлива в легководных и быстрых реакторах, что зафиксировано в статье 1 Протокола к Соглашению, который был подписан в апреле 2010 года. Соглашение со всеми изменениями к нему вступило в силу 13 июля 2011 года. Однако уже в 2014 году США высказали намерение включить в сферу действия СОУП нереакторный метод утилизации плутония – разбавление и геологическое захоронение. Российская сторона выступила против, поскольку он нарушает симметрию в реализации СОУП, так как в отличие от сжигания плутония оставляет его изотопный состав без изменений. По данному методу плутоний лишь смешивается с нейтральной субстанцией и размещается в соляных пластах, что не гарантирует невозможность извлечения его обратно.

В феврале 2016 года американская администрация официально вошла в Конгресс с этой новой позицией, предложив в качестве основного метода утилизации плутония метод разбавления и геологического захоронения.

Проектом бюджета на 2017 год (официально направлен в Конгресс в феврале 2016 года) предлагается вообще прекратить финансирование комплекса "Саванна-Ривер", на который за восемь лет было потрачено почти 8 млрд. долларов, однако завод находится только в 70-процентной стадии готовности, а выделяемые средства использовать на цели консервации строительства.

Российская Федерация создала необходимые условия для начала практической реализации СОУП в оговоренные сроки – с 1 января 2018 года. В конце 2015 года завершено строительство установки по производству МОХ-топлива для быстрых реакторов на Горно-химическом комбинате в городе Железногорске Красноярского края. Введен в действие и сам реактор БН-800 на площадке Белоярской АЭС. Таким образом, ответственность за задержку выполнения Соглашения целиком ложится на США.

Большое значение с точки зрения предотвращения накопления излишних для целей обороны запасов оружейного плутония и их сокращения имеет российско-американское межправительственное Соглашение о сотрудничестве в отношении реакторов, производящих плутоний. Оно предусматривало вывод из эксплуатации и невозобновление наработки оружейного плутония в общей сложности на 27 таких реакторах в обеих странах. Все эти реакторы в настоящее время выведены из эксплуатации, и оружейный плутоний больше не производится. В настоящее время с участием госкорпорации осуществляется мониторинг остановленных реакторов в США.

В рамках реализации Соглашения с американцами о сотрудничестве по ввозу в Российскую Федерацию ядерного топлива исследовательских реакторов, произведенного в Российской Федерации, по состоянию на апрель 2016 года госкорпорацией ввезено в Россию 800 килограммов свежего и 1350 килограммов облученного ядерного топлива – всего 2150 килограммов ядерного топлива, в котором содержится ВОУ и плутония достаточно для производства около 86 ядерных боеприпасов. Высокообогащенный уран полностью вывезен из 10 стран, частично – из четырех.

Работа в рамках данного Соглашения будет продолжаться, и до конца текущего года планируется вывоз ВОУ-топлива из Польши, в 2017–2018 годах – из Казахстана. Продолжается диалог с Беларуссией и Германией с целью согласования сроков и процедур вывоза ВОУ-топлива из этих стран. Предполагается, что к 2020 году должно быть вывезено 2529 килограммов этого топлива из всех 14 стран.

Важную роль Госкорпорации "Росатом" видим в практической реализации принятого в Вене 14 июля 2015 года Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы (СВПД), утвержденного резолюцией Совета Безопасности ООН. Госкорпорацией был осуществлен вывоз всех избыточных ядерных материалов. Планируем сотрудничать с иранской стороной по обмену ядерных материалов и в будущем. В частности, иранской стороне потребуется периодически вывозить излишки НОУ, которые будут нарабатываться на заводе в Натанзе. Продолжим работу и над проектом по реконфигурации двух обогатительных каскадов в Фордо на выпуск стабильных изотопов, закрепленным в СВПД за Российской Федерацией.

Полагаем, что успешная реализация СВПД в полном объеме будет способствовать как решению нераспространенческих задач, так и созданию условий для дальнейших шагов в сфере разоружения. Спасибо за внимание.

К.И. КОСАЧЁВ

Благодарю Вас, Владимир Петрович.

Сергей Михайлович Рогов, научный руководитель Института США и Канады.

Подготовиться Евгению Петровичу Бужинскому.

С.М. РОГОВ

Спасибо, Константин Иосифович.

Мне кажется, эти слушания чрезвычайно важны, потому что ситуация с режимом контроля над вооружением складывается крайне тяжелая. Об этом очень часто забывают. Поскольку Сергей Алексеевич и другие докладчики уже почти все сказали, я не буду повторять, выскажу несколько соображений по ключевым моментам, на мой взгляд.

Мы в институте подготовили довольно большой доклад по теме сегодняшних слушаний. Я готов Вам вручить его.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо.

С.М. РОГОВ

Тезис первый. Идет новая холодная война. Она отличается от первой холодной войны тем, что нет идеологического конфликта, нет глобального противостояния двух систем, но тем не менее весь набор инструментов первой холодной войны задействован. Это разгул пропаганды, это экономическая война, это прекращение фактически нормального политического диалога и это

новая гонка вооружений в условиях, когда контроль над вооружениями находится в состоянии тяжелого кризиса.

Сразу же хочу сказать, что термин "разоружение", конечно, не вполне отражает реальную картину, поскольку из тех соглашений, которые были подписаны на протяжении последнего полувека, были исключения, которые предусматривали разоружение, а вообще-то речь шла о регулировании гонки вооружений путем установления каких-то правил, ограничений, но отнюдь не о прекращении гонки вооружений. Это касается и СНВ, и ПРО, и других важнейших компонентов.

Стратегическая стабильность в российско-американских отношениях основывается на ситуации взаимного гарантированного уничтожения. И пока эта ситуация сохраняется, я думаю, можно быть уверенным в том, что ядерной войны между нами и Соединенными Штатами, нами и Западом не будет. Но на каком уровне сохранять взаимное гарантированное уничтожение – это вопрос дискуссионный.

Должен сказать, что в нынешнем мире стратегическая стабильность имеет куда более широкое толкование, чем в биполярной системе. Во-первых, потому что мы живем в многополярном мире и нельзя все сводить только к России и США, есть целый ряд других важных игроков, в первую очередь Китай, но не только Китай. А во-вторых, сегодня существует набор неядерных средств поражения, которые позволяют поражать стратегические цели. Раньше их можно было уничтожить только с помощью ядерного оружия, сегодня это можно делать и неядерными средствами. И с этой точки зрения стратегическая стабильность (вообще обсуждение этой проблемы) должна включать не только ядерное вооружение, но и противоракетную оборону, быстрые и глобальные удары, другие дальнобойные обычные средства поражения, космические средства, ну и такую вещь, как кибероружие, которое сегодня в состоянии вывести из строя многие военные и экономические объекты, нейтрализовав их, – то, что раньше можно было делать только с помощью соответствующего ядерного удара.

Я перечислил шесть компонентов стратегической стабильности. Ясно, что одновременно в рамках какого-то всеохватывающего соглашения договориться не удастся. Поэтому требуются специфические средства для того, чтобы решать или даже приступить к решению тех проблем, которые существуют в этих областях.

По некоторым пунктам все еще возможны юридически обязывающие соглашения между Россией и США, и другими государствами. По некоторым – это невозможно, этого невозможно

добиться. И решением проблемы (может быть, не полным, но хотя бы частичным) может быть прозрачность в этой сфере или установление добровольных самоограничений.

Что касается российско-американского баланса, то здесь, конечно, существует явный дисбаланс, который отражает и экономический дисбаланс, и политический дисбаланс. Я перечислял системы вооруженной борьбы, которые можно называть стратегическими, американцы готовы и хотят с нами вести переговоры только по ядерному оружию, то есть там, где существует примерный паритет или, может быть, даже в чем-то наше некоторое преимущество.

А в тех сферах, где существует асимметрия не в нашу пользу, где Соединенные Штаты Америки обладают большим преимуществом, они фактически отказываются вести хоть какие-то вразумительные переговоры.

Поэтому, с нашей точки зрения, учитывая их заинтересованность в том, чтобы договариваться по вопросам, связанным с ядерным вооружением, мы должны занять более активную позицию, естественно, обуславливая ее соответствующими американскими уступками не только в ядерной сфере, но и в неядерной сфере. Как это сделать? Это труднейшая задача, тяжелейшая задача, но надо очень серьезно об этом думать, потому что для нас это чуть ли не единственный рычаг давления на Соединенные Штаты.

Три конкретных вопроса. Договор о РСМД, о котором уже было много и правильно сказано... Здесь возникает, честно говоря, крайне странная ситуация. Впервые американцы обвиняют нас в нарушении (мы всегда обвиняли друг друга, что что-то не так, нарушают), но не предъявляя никаких фактов. Как-то очень сложно вести разговор, когда собеседник держит фигу в кармане. Что обсуждать? Но в то же время совершенно ясно, Сергей Алексеевич говорил о трех американских нарушениях... Можно обсуждать ракеты-мишени или беспилотные летательные аппараты, насколько это является нарушением, но, бесспорно, та база ПРО Aegis Ashore, которая официально была введена в действие две недели назад, – это четкое, ясное и 100-процентное нарушение Договора об ограничении систем ПРО, поскольку пусковые установки крылатых ракет морского базирования на земле в Румынии автоматом становятся пусковыми установками наземного базирования. И вроде бы мы заявляем, что Соединенные Штаты Америки нарушили Договор (официальная позиция МИДа), но как-то мы это делаем не очень громко, по крайней мере в мире не шибко заметили эту нашу позицию.

Здесь возникает дилемма. Да, с одной стороны, мы должны пригвоздить американцев за реальное нарушение, но, с другой стороны, разрыв Договора о РСМД нам ведь невыгоден, потому что если он действительно будет разорван... Мы развернем, но американцы-то развернут в

Прибалтике, Польше с подлетным временем всего в несколько минут, не как 35 лет назад, когда было 10–12 минут. А когда будет несколько минут лета до Петербурга и Москвы, резко возрастет угроза внезапного нападения, обезглавливающего и обезоруживающего удара.

Решить проблему можно было бы, предложив начать соответствующие переговоры. И вообще эти пусковые установки технически можно изменить, сделав невозможной погрузку в них капсул с ракетами "Томагавк" и другими баллистическими ракетами. Ну, есть прецеденты... Например, как тяжелые бомбардировщики из ядерных становятся обычными? Обрезается соответствующее снаряжение, которое дает возможность таскать ядерные ракеты бомбардировщикам. Конечно, за несколько недель их можно восстановить, но более или менее эта процедура работает.

То же можно было бы попытаться сделать и в решении вопроса с Aegis Ashore (американскими пусковыми установками). Одновременно это позволит, на наш взгляд, все-таки втянуть американцев в обсуждение вопроса об ограничении ПРО. Потому что наша позиция (опять же это наше мнение): когда мы говорим о юридических гарантиях ненаправленности ПРО, как можно юридически гарантировать, что американская ракета-перехватчик не будет перехватывать нашу ракету? Она же все-таки может летать в разных направлениях. Это требование мне кажется немножко странным, обычно ограничения связаны с конкретными техническими или количественными ограничениями.

Что касается СНВ, то это, конечно, отдельный вопрос, но, по нашим подсчетам, уровень в 1550 боеголовок, установленный нынешним Договором СНВ-III, в принципе может быть снижен до 1200 и до 1100. Ясно, что очень сильно он не может быть снижен, но может быть понижен при сохранении гарантированного взаимного уничтожения.

Новая администрация США, которая придет к власти в январе следующего года, скорее всего, займет еще более жесткую позицию в отношении России, чем администрация Обамы. Но тут тоже есть варианты. Скажем, Трамп, который продемонстрировал свою способность выделывать фокусы (он вообще очень напоминает одного известного российского политика, который на 360 градусов вращается в течение 360 секунд), вроде бы делал кое-какие заявления. Но если он будет избран президентом, из кого будет формироваться его администрация? Если она будет формироваться из классического набора республиканской команды, то это будут очень жесткие люди. Но в то же время нельзя исключать, что появятся и другие лица. В частности, выступление Трампа по вопросам внешней политики... Бóльшую его часть написал бывший глава

американской делегации на переговорах СНВ-I Рик Бёрт. Правда, там Трамп добавил всякой отсебятины.

С Хиллари Клинтон будет, боюсь, очень сложно.

С МЕСТА

Совсем плохо.

С.М. РОГОВ

Да.

Ну и при этом, конечно, надо учитывать роль Конгресса. Такое впечатление складывается, что Договор СНВ-III был последним договором о контроле над вооружениями, который американский Сенат ратифицировал. Мне трудно сейчас представить хоть какой-то договор о чем бы то ни было в сфере контроля над вооружениями, за который проголосуют республиканцы в Сенате. И даже если демократы будут контролировать, если, скажем, вдруг Хиллари Клинтон победит с крупным счетом и демократы вернут себе контроль над Сенатом, то все равно требуется две трети голосов для ратификации. Это, конечно, будет осложнять ситуацию, чтобы нам добиваться с помощью разоруженческой дипломатии, точнее говоря, контроля над вооружениями, продвижения наших интересов безопасности.

И последний момент. Вот Константин Иосифович упомянул пацифизм. Действительно, уважаемые друзья, мы эту сферу полностью уступили сегодня Западу. Это они миролюбивые, это они требуют всеобщего и полного, это они не любят ядерную бомбу, а в отношении нашей страны мы позволили довольно неприятные вещи, когда мы сегодня воспринимаем как главные "любители" ядерной бомбы, поскольку мы на ней базируем свое сдерживание, ну и вообще...

И, мне кажется, чрезвычайно важно перехватить инициативу в этой сфере, а это нельзя сделать без каких-то крупных инициатив. Я думаю, что тут было бы очень важно поддержать идею, которая в проекте решения. Ну, конечно, не ограничиваться фестивалем молодежи и студентов, а просто надо начинать массированную пропагандистскую кампанию, поскольку сегодня игра идет в одни ворота и мы проигрываем здесь очень сильно. Спасибо. Я немножко затянул...

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Сергей Михайлович, и за доклад, который Вы передали, и за очень интересное выступление, включая поддержку некоторых наших мыслей.

Чем отреагирует гражданское общество – узнаем.

Евгений Петрович Бужинский, всем хорошо известный по прежним своим должностям, в настоящее время – председатель Совета ПИР-Центра.

Подготовиться Сергею Александровичу Орджоникидзе.

Е.П. БУЖИНСКИЙ

Спасибо, Константин Иосифович.

Уважаемые члены Совета Федерации, коллеги! Я не буду говорить как гражданское общество... *(Оживление в зале.)* Я все-таки не совсем еще вписался в гражданское общество.

РЕПЛИКА

Переходный период.

Е.П. БУЖИНСКИЙ

Да, переходный период.

Я хочу в своем выступлении просто продолжить те мысли, которые сейчас озвучил Сергей Михайлович. Но я бы сказал, что ситуация в области контроля над вооружениями не тяжелая, она естественная. Практика заключения международных договоров и соглашений в области контроля над вооружениями показывает, что либо они заключаются на пике противостояния, как это было в 70-е годы, когда уже стороны понимают, что нужно что-то делать, когда уже количество боезарядов зашкаливает за 12 тысяч и так далее, либо когда возникают взаимная любовь, доверие, как это было с конца 80-х, в 90-е годы, это и ДОВСЕ, это и открытое небо, и СНВ-I, и, слава богу, не вступивший в силу СНВ-II, и так далее. Поэтому сейчас ситуация естественная, и я думаю, что в ближайшее время никаких новых соглашений вне зависимости от расклада сил в американском Сенате заключено не будет. Но в то же время мы видим, что американцы все чаще и чаще выступают в роли таких миротворцев, пацифистов, предлагая различные инициативы, в частности Обама, – "ядерный ноль", дальнейшее снижение. Я думаю, что то, что было возможно еще лет восемь или десять назад, сейчас уже неактуально, еще раз повторяю. Но тем не менее находиться все время в обороне и выступать как любители ядерного оружия, что мы не хотим идти ни на какие инициативы по снижению, тоже, наверное, не очень здорово. Скажем, цифра до 1000 боезарядов фигурировала очень часто даже в наших экспертных оценках некоторое время тому назад. У нас есть, кстати, позиция, официально утвержденная, озвученная и Министром иностранных дел, и Президентом, по той же увязке дальнейших сокращений с ПРО, космосом, ДОВСЕ и глобальным ядерным ударом. Я думаю, что эту концепцию нужно модернизировать, она, с моей точки зрения, мягковатая.

Кстати, я хочу возразить Сергею Михайловичу: у нас вот это юридически обязывающее соглашение о ненаправленности не просто о ненаправленности, оно подразумевало целый набор ограничений по скоростям перехватчиков, по дислокации, по количеству. Другое дело, что все это было в мягкой форме, что касалась только в основном европейского компонента глобальной системы ПРО США. Я думаю, что сейчас нам нужно просто ужесточить и начинать говорить об увязке дальнейших сокращений с заключением полномасштабного договора по ПРО, того нового договора, но в принципе того, из которого американцы вышли, – Договора 1972 года. Причем на вооружение нужно брать аргументацию американцев 60-х годов, когда товарищ Макнамара убеждал советское руководство, что система ПРО – это никакое не оборонительное, это часть стратегического эквilibriumа, это, собственно, защита не от первого удара, а от ответного удара, который создает иллюзию у агрессора, что он может ответный удар минимизировать. И я думаю, что международное сообщество нас в этом поддержит. Конечно, это неприемлемо для американцев, но, во всяком случае, в пропагандистском плане это, я думаю, было бы правильно.

Тактическое ядерное оружие – кстати, еще один момент, в котором заинтересованы и американцы, и европейцы, которые во всех своих документах прописывают неравенство, преимущество Российской Федерации. Об этом вообще в нынешних условиях тоже говорить совершенно неактуально.

РСМД. Я полностью согласен, что выходить из этого Договора, конечно, и пропагандистски плохо, и с военно-политической, и с военной точек зрения, наверное, не надо. Но тем не менее я должен сказать, что у нас есть люди, в том числе занимающие высокие государственные должности, которые являются сторонниками выхода из этого Договора. И время от времени высказываются мысли, что Договор несправедлив, он лишает Россию целого класса ракет, что американцам этот Договор... так же, как, кстати, тактическое ядерное оружие, для защиты своей территории эти ракеты совершенно не нужны. А вот мы окружены по нашему периметру странами, которые либо имеют... либо так называемыми пороговыми странами, которые имеют и ракеты средней дальности, и ядерное оружие.

Я думаю, что здесь в качестве такого предложения... Конечно, Договор устарел, и когда мы говорим об ударных беспилотниках, которые попадают по определению... Но американцы нам возражают. Ну, не было в то время ударных беспилотников, когда заключался Договор, поэтому Договор объективно устарел.

У нас в свое время была инициатива сделать этот Договор многосторонним, но она изначально была убита. Я помню, американцы тогда сказали: ну, ладно, мы присоединяемся, в

принципе идея хорошая, но маловероятно, что она заставит китайцев, индийцев, израильтян, иранцев, пакистанцев уничтожить свои ракеты средней дальности.

А почему бы нам не выступить с инициативой заключить новый многосторонний договор, который предусматривает не полное уничтожение этого класса ракет, а по типу СНВ (ограничение, "потолки" и так далее)? Это дало бы нам возможность иметь какое-то количество ракет... И не надо их размещать в Европе (вернее, в европейской части), чтобы не спровоцировать американцев, а в азиатской части такой класс ракет в принципе нам отнюдь не помешал бы.

И несколько слов по евробезопасности. У нас говорилось (и Сергей Алексеевич, и Евгений Юрьевич говорили) про открытое небо, Венский документ. Я должен сказать, что если бы я сейчас находился в Министерстве обороны, то вообще бы ничего не делал. Все хорошо: Договор по открытому небу работает, Венский документ нарушить практически невозможно, потому что те пороги, которые там прописаны... Никто такие учения не проводит уже давным-давно. То, что было принято решение уведомлять и приглашать наблюдателей на крупнейшие учения, – это добровольно, там прописано, что эта мера добровольная. В нынешних условиях мы это не делаем, и правильно, что не делаем. О внезапных проверках к боеготовности в Венском документе вообще нет ни слова – ничего нет.

Я помню, в период 1999–2007 годов российская делегация в Вене выступала с кучей инициатив по коренному пересмотру Венского документа, включая охват мерами доверия и военно-морской деятельности, потому что без этого это ущербная мера доверия. И все наши предложения тупо отвергались. Сейчас западники спохватились. Я думаю, что нам нужно совершенно спокойно предлагать продвигать свои инициативы по заключению Договора о европейской безопасности, который бы инкорпорировал в себя и Венский документ, и ДОВСЕ, и плюс целый ряд других элементов, которые бы в принципе с этой ситуацией, совершенно ненормальной, когда у нас НАТО отвечает за военную безопасность в Европе, Евросоюз – за экономическую безопасность, а ОБСЕ, в которой Россия представлена, занимается только вопросами выборов и соблюдением прав человека...

И последнее – по космосу. Я думаю, что, например, перезапустить работу Конференции по разоружению сейчас очень трудно из-за совершенно тупиковой ситуации с ДЗПРМ. Я думаю, что космос нужно выводить из компетенции Конференции по разоружению и выступать с инициативой созыва отдельной конференции по типу Оттавы. Я понимаю, что американцы, конечно, опять будут все блокировать, но тем не менее с пропагандистской точки зрения это было бы неплохо. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Большое спасибо. Много новых, интересных идей и предложений. Берем в разработку.

Сергей Александрович Орджоникидзе, заместитель Секретаря Общественной палаты.

Надеюсь, не будете отрицать, что Вы-то и есть гражданское общество в нашем коллективе.

Подготовиться Хлопкову Антону Викторовичу. Спасибо.

С.А. ОРДЖОНИКИДЗЕ

(Микрофон отключен.)... Говорить серьезно о вопросах разоружения и контроля над вооружением в нынешних условиях холодной войны, наверное, вряд ли это возможно. Но мы все равно должны работать в этом направлении хотя бы исходя из того, что очень важно сохранить то, что наработано, понимая, что нового мы здесь вряд ли чего-нибудь добьемся. Если американцы вышли из Договора об ограничении систем ПРО в одном месте, так они и в другом месте не захотят его заключать, так же, как и по космосу. Этот вопрос всегда стоял, еще со времен Советского Союза. Тот, кто вырывался вперед в каких-то видах вооружений, естественно, не хотел договариваться. Я помню свое участие в переговорах с американцами по противоспутниковым системам. Вот мы вырвались тогда вперед – мы и не хотели с ними договариваться ни о каких серьезных вещах.

Так что тут, видимо, придется подождать, пока придет к власти новая администрация, чтобы понять, а, собственно говоря, в чем будет повестка этой новой Администрации Соединенных Штатов в области контроля над вооружениями. Потому что на данный момент мы видим какую ситуацию? Американцы потеряли интерес ко всем проблемам, по существу, с 1991 года, с развалом Союза и Варшавского договора, то есть стратегически единое пространство было нарушено. Кстати, ни одной инициативы в области разоружения от Соединенных Штатов мы никогда на многостороннем уровне не видели, кроме инициативы Обамы. Но что такое инициатива Обамы? Это классический пример, как надо работать в области разоружения. Всем понятно, что никакого безъядерного мира не будет, никто никогда на это не согласится, ни новые ядерные, ни старые ядерные, ни близкие к ядерным. Но выглядеть внешне миротворцем – почему бы и нет. Лучше хорошо выглядеть, чем плохо выглядеть. И напоминает мне это, кстати, в свое время нашу инициативу, Никиты Сергеевича Хрущёва, о всеобщем и полном разоружении. Помните, как мы тогда прижали американцев, когда они сказали: "Нет, никогда, ни в коем случае!" А мы сказали: "Нет, мы хотим всеобщее и полное разоружение", прекрасно отдавая себе отчет, какова будет реакция США и НАТО.

Ну а то, что Соединенные Штаты в данный момент ничего не хотят, понятно. Я с генсеком Конференции по разоружению сидел... Развалили работу всей конференции Соединенные Штаты, и любой вопрос, который туда выносится, они его или напрямую, или через своих союзников как-то убивают, так сказать, потому что конференция работает по принципу единогласия. А дело не в формате (я с выступающими не всегда согласен) – дело в тематике. Если эта тематика неприемлема, то какой бы формат вы под нее ни подвели, они всегда будут занимать одну и ту же позицию, негативную в данном случае, по российской-китайской инициативе по мирному использованию космоса, по договору по мирному космосу. Куда бы вы ее ни... В Первый комитет Генеральной Ассамблеи или на специальную конференцию не пойдут и... Так что к этому надо относиться реалистически.

И что американцы сделали? Они развалили антивоенное движение, которое существовало в Соединенных Штатах прежде всего, в Англии, в западных странах. В общем, мы как-то этот момент, к сожалению, пропустили, так скажем. А это антивоенное движение играло довольно позитивную роль в области разоружения, помогало нам в продвижении собственных инициатив по крайней мере многостороннего характера на Генеральной Ассамблее ООН. И Советский Союз тогда выглядел, в общем, довольно прилично, как миролюбивая страна, которую поддерживает еще к тому же масса миролюбивых общественных организаций.

Я к чему это все веду? Я веду это к тому, что нам пора возрождать общественную дипломатию в области разоружения. У нас она сейчас как-то немножечко притихла. Ну, это понятно, потому что холодная война есть холодная война. Не этим заняты мы. Но постепенно возрождать это необходимо. Это необходимо делать, как мы видим из проекта рекомендаций, и по парламентской линии, да и по другим линиям. Вот Пагуошское движение было, прекрасно работало. Можно и об этом подумать. Главное – чтобы не дошло до того, что у нас не останется людей, которые вообще не знают и не понимают, что такое разоружение и вообще что за проблемы в этой области стоят. Нам нужно об этом подумать и, кстати, возродить это движение общественности. Потому что, понимаете, проходят, допустим, межпарламентские заседания очень хорошо, массу интересных вопросов нам удастся обсудить, но вот разоруженческие вопросы, контроля над вооружениями как-то на второй план все время уходят. То же самое и по линии общественных организаций. Таких общественных палат 80 с лишним по всему миру. Вот как мы ни соберемся, обсуждаем вопросы социально-экономические, важные вопросы, вопросы прав человека тоже, безусловно, важные, а вопросы разоружения проседают.

Поэтому я думаю, что нам нужно встать на этот путь. По крайней мере с точки зрения если не реального разоружения, то презентации собственной страны, политического пиара это очень важная вещь. Спасибо.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон.) Виртуального разоружения.

С.А. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Ну, хорошо, виртуального.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо, Сергей Александрович.

Коллеги, мы уже работаем 1 час 50 минут. Два выступающих у нас осталось. Я попрошу всех набраться терпения, потому что разговор очень важный.

Антон Викторович Хлопков, директор Центра энергетики и безопасности, главный редактор журнала "Ядерный клуб".

Подготовиться Войтоловскому.

А.В. ХЛОПКОВ

Спасибо.

Четыре аспекта, Константин Иосифович, с Вашего позволения.

Первый аспект. Поскольку мы обсуждаем и нераспространение, и контроль над вооружениями, хотелось бы обозначить тему, которая еще не прозвучала, – Корейский полуостров, поскольку в проекте решения нашего заседания есть отсылка к иранской проблематике, а к корейской – нет. Ситуация развивается, на мой взгляд, абсолютно не в интересах Российской Федерации. КНДР, с одной стороны, наращивает свой ядерный потенциал. С другой стороны, я бы пока не говорил о ядерном оружии, которое может быть доставлено имеющимися ракетными средствами доставки, но, очевидно, КНДР в этом направлении движется.

Второй аспект. Используя это как предлог, США наращивают свою военную инфраструктуру в регионе. Это, очевидно, также не отвечает интересам нашей национальной безопасности.

Третий аспект здесь же. В Южной Корее сегодня проядерные настроения продолжают нарастать. Речь идет и о научно-техническом сообществе, и в целом об общественном мнении. И всё больше политиков упоминают о возможном пересмотре Южной Кореей своего подхода к проблематике нераспространения. Речь на этом этапе не идет о создании ядерного оружия, но, на

мой взгляд, ход мысли движется в направлении создания соответствующих технологических предпосылок.

Здесь же важный аспект. Несмотря на всю эту картину и на жесткую риторику Пхеньяна и США в отношении друг друга, диалог ведется. В этом году как минимум одна встреча состоялась в Европе. Поскольку мы под камеры говорим, то... Вторая встреча также планируется, не буду исключать, что в ближайшее время. Поэтому диалог ведется. Пока речь не идет о переговорах, речь идет о неких предварительных консультациях. Но очевидно, что с обеих сторон в той или иной степени официальные лица задействованы опять же прямо или косвенно. И здесь, безусловно, нам надо быть в курсе того, что происходит, поскольку Корейский полуостров находится в непосредственной близости от нашей границы. И важно, если будет позитивное движение в разрешении хотя бы части вопросов, которые имеются, чтобы оно происходило с учетом российских интересов. Неочевидно, что, когда будет выбран формат переговоров, будет "шестерка" с учетом интересов и непосредственным участием Российской Федерации.

И, безусловно, если движение КНДР в части создания ядерного оружия, которое может быть доставлено, продолжится, это может привести и к дальнейшей дестабилизации режима нераспространения. Тяжелую ситуацию в нем коллеги уже описывали, повторяться не буду.

Второй аспект – информационное сопровождение политики Российской Федерации в области нераспространения и контроля над вооружениями. Опять же много было сказано, тематика крайне важная. Это не только вопрос информационной войны и попытка дискредитировать политику России в этой области, а здесь, на мой взгляд, нам надо и более активно продвигать роль России в разрешении тех недавних кризисов, где имеется позитив. Это иранская проблематика, на мой взгляд. Роль России пытаются в договоренности СВПД, достигнутой в Вене в прошлом году, немножко задвинуть на второй план. То же самое – по присоединению Сирии к ОЗХО и ликвидации сирийского химического арсенала. На мой взгляд, нам надо более активно здесь роль России продвигать, в том числе через площадки научно-исследовательских организаций, в том числе через межпарламентские форматы. И здесь я перехожу к третьему вопросу.

Константин Иосифович, Вы в начале упомянули, какова может быть роль межпарламентской дипломатии. На мой взгляд, один из очень правильных тезисов в предложениях по заключительному документу по результатам нашей встречи заключается в том, что необходимо увеличить роль этих вопросов в межпарламентском общении. К сожалению, наши партнеры в других странах не всегда имеют объективную картину о политике России в области

нераспространения и контроля над вооружениями. Мой недавний опыт в ЮАР: к сожалению, в этой части взгляд крайне несбалансированный, подходы несбалансированные, несмотря на то что ЮАР является частью БРИКС.

И имеется в проекте заключительного документа по результатам встречи необходимость активизации российско-американского межпарламентского диалога по этим вопросам, поскольку отчасти, на мой взгляд, это переведет публичную дискуссию и негатив, критику в отношении России в более камерное русло. А мое впечатление, что с американской стороны к этому есть интерес, и в нынешней демократической администрации, и в целом в Конгрессе ищут новых Нанна и Лугора, то есть тех представителей Конгресса, которые могли бы стать такими лидерами в обсуждении проблематики нераспространения и контроля над вооружениями. Называется одно из имен – Джефф Фортенберри, конгрессмен от штата Небраска, республиканец, который к этой проблематике проявляет большой интерес.

И последнее. В качестве реакции на комментарий Сергея Александровича Орджоникидзе в отношении важности общественных организаций, роли общественных организаций хотел бы просто упомянуть, что зафиксированы даты следующей Московской конференции по нераспространению: атомная энергетика, разоружение и нераспространение, которая охватывает все три столпа режима нераспространения и разоружения.

Она состоится в Москве 20–22 октября 2017-го, следующего года. И одна из задач – как раз в таком широком формате (конференция в среднем собирает 200 экспертов из 40 стран) спроецировать российскую позицию не только на официальных представителей других стран, но и на представителей научно-исследовательских организаций. Организатором выступает наша организация – Центр энергетике и безопасности. Будем рады видеть всех заинтересованных – и представителей госструктур, и общественных организаций. Хотел бы упомянуть, что уже по хорошей традиции конференцию будем проводить в партнерстве с Министерством иностранных дел Российской Федерации. Спасибо.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое, в том числе за комментарий по итоговому документу.

У нас последний из записавшихся – коллега Федор Генрихович Войтоловский, заместитель директора ИМЭМО.

Если кто-то после этого будет еще настаивать на выступлении, попрошу обозначиться. Или будем подводить итоги. Спасибо.

Ф.Г. ВОЙТОЛОВСКИЙ

Спасибо большое, Константин Иосифович. Спасибо, коллеги.

Я хотел бы остановиться на нескольких невоенных аспектах взаимодействия с США по вопросам контроля над вооружениями, невоенных, но связанных с военными, прежде всего на международно-политических аспектах.

Текущая ситуация, кризис в отношениях России и Запада, рост напряженности, в том числе в военно-политической сфере, крайне выгодны Соединенным Штатам для консолидации позиции в Североатлантическом альянсе, для мобилизации союзников по НАТО и для расширения американского военного присутствия или для укрепления политического влияния. Что касается, например, систем противоракетной обороны, то, конечно же, американские партнеры прекрасно понимают, что в сегодняшнем их виде и на среднесрочную перспективу технологически эти системы будут неспособны оказать существенное влияние на эффективность российского стратегического наступательного потенциала. Другое дело, что может быть в отдаленной перспективе, когда они могут вновь возвратиться к плану реализации стратегической глобальной ПРО и отойти от поэтапного адаптивного подхода, на который они опираются сейчас.

Но самое большое и самое главное здесь – политическое значение системы ПРО США в Европе, которая называется ПРО НАТО, потому что с помощью военно-политических средств создается дополнительный барьер между Россией и Евросоюзом. Не между Россией и НАТО, а между Россией и Евросоюзом, потому что технологически (военные, я думаю, согласятся с такой оценкой) ни одна система ПРО не может защищать избирательно страны – члены НАТО, а рядом не защищать нейтральные государства. То есть те секторы, по которым работают системы противоракетной обороны на ракетноопасных направлениях, естественно, захватывают не только страны – члены альянса. Политически это еще один способ установить барьер.

То, что касается РСМД и попыток упрекать Россию в нарушении РСМД, тоже имеет очень большое политическое значение в отношениях с союзниками по НАТО, потому что это раздувание фобии относительно гипотетической российской угрозы в Европе, это использование подобной риторики, для того чтобы мобилизовать союзников и поддерживать более высокий уровень готовности сил альянса, нести военные расходы на соответствующем уровне и в перспективе, возможно, вовлекать не только более активно в развитие систем ПРО и наращивание систем ПРО... Потому что в условиях, когда иранская гипотетическая угроза отступает на второй план (о чем был задан прямой вопрос Сергеем Викторовичем нашим американским коллегам), логично напрямую начать откровенно говорить о российской угрозе в Европе.

Еще бóльшее значение для дальнейших американских и позиций, и шагов в отношении контроля над вооружениями имеют внутривнутриполитические, экономические, экономико-технологические факторы. Я остановлюсь коротко на каждом из них.

Внутриполитические факторы. Первая администрация Обамы пошла с нами на заключение пражского Договора в том числе по внутривнутриполитическим причинам, не только по военным и международным политическим.

По внутривнутриполитическим причинам нужно было продемонстрировать эффективность новой администрации, причем продемонстрировать на республиканском поле, потому что контроль над вооружениями – это традиционно республиканская тематика. Здесь внутривнутриполитические дивиденды были сняты. Когда пошел разговор о ПРО и о переходе к поэтапному адаптивному подходу, отказу от плана администрации Буша-младшего по созданию стратегической глобальной ПРО, то здесь включились, в общем, опять же внутривнутриполитические и финансово-экономические факторы. В условиях, когда необходимо было завершать кампанию в Афганистане и Ираке, средств на реализацию программ ПРО в том виде, в каком на нее были готовы расходовать при Буше-младшем, у Обамы не было. Значит, можно было пойти на какие-то такие демонстрационные шаги, которые оставляют окно возможностей абсолютно открытым, как написано в поэтапном адаптивном подходе, в случае наращивания угроз нарастить и соответствующие мощности систем ПРО.

Но крайне важно, что сейчас, после выборов в Конгресс 2014 года вторая администрация уже ничего не могла провести через Конгресс, никакие дальнейшие меры в области контроля над вооружением, да и не нужно ей это было. Вот новая администрация, будет она республиканской или демократической в зависимости от того, как сложится внутривнутриполитическая конъюнктура, до 2018 года точно не пойдет ни на какие шаги в области контроля над вооружениями. После 2018 года, после следующих выборов в Конгресс, могут быть различные варианты. Опять же, с одной стороны, как совершенно справедливо отметил Сергей Михайлович Рогов, вокруг Хиллари Клинтон концентрируются очень жесткие внешнеполитические круги с очень жесткой позицией, причем не только, кстати, демократы, но и республиканцы, которые готовы ее поддержать и не готовы поддержать Трампа, и, в общем, здесь шансов совсем мало. С точки зрения возможного президента-республиканца здесь могут быть какие-то варианты, опять же ограниченные, опять же по тем направлениям, по которым у нас есть паритет или есть какие-то возможности достичь соглашений, но это прежде всего собственные стратегические наступательные вооружения. По высокоточным вооружениям малореально чего-то достичь, по системам противоракетной

обороны... Ну, если мы сможем реализовать все планы развития воздушно-космических сил в части ПРО, которые у нас есть, то, может быть, в перспективе мы сможем о чем-то начать разговор, но это даже не один президентский срок.

Коротко еще два предложения. И плюс экономические факторы. Для американцев крайне важны и системы высокоточных вооружений, и системы противоракетной обороны с военно-экономической и с экономико-технологической точек зрения, потому что в отличие от стратегических наступательных вооружений, по которым действительно намечены большие расходы к 2020 году и дальнейшее наращивание на их модернизацию, технологически там ничего такого особенно нового... ну, маловероятно, что появится. А вот противоракетная оборона... Высокоточное вооружение – это настолько технически сложные продукты, которые дают возможность получить большое количество сопутствующих технологий двойного назначения, которые могут быть использованы в гражданской сфере и дать стимулы для развития новых отраслей промышленности и так далее. Это крайне выгодно американцам, и поэтому они будут вкладывать... Республиканская администрация точно будет вкладывать большие средства в развитие ПРО и высокоточных систем, демократы со скрипом, но тоже будут, потому что сейчас средства на это высвобождаются. Афганистан, Ирак не требуют таких средств, новых военных кампаний американцы не начали. Высвобождаются средства, с одной стороны, на модернизацию стратегических наступательных вооружений, с другой стороны – на модернизацию и развитие этих систем. И это очень плохая для нас ситуация, потому что денег туда будет вложено у американцев много, желания разговаривать у них не будет в ближайшие несколько лет по этим вопросам, но тем не менее нам надо на всех уровнях – на общественном, на официальном и на экспертном пытаться втянуть их в разговор по всему спектру. Спасибо за внимание.

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое.

На реплике настаивает глубокоуважаемый Армен Гарникович Оганесян, главный редактор журнала "Международная жизнь".

А.Г. ОГАНЕСЯН

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

К.И. КОСАЧЁВ

Мы не можем Вам отказать.

А.Г. ОГАНЕСЯН

Я очень коротко.

Действительно, 2021 год, февраль, надо будет определяться, вернее, определяться надо будет раньше, что и как мы будем делать с СНВ, открывать ли сейчас серию СНВ-переговоров, продлевать, не продлевать. Принципиальная позиция, замечательная цитата Президента, что мы за переговоры. Но если внимательно вчитаться в эту цитату, то здесь же говорится: "за серьезный предметный разговор без двойных стандартов", а это открывает нам такой дуализм подхода. Надо определяться, потому что подготовка только базовых положений займет два года, по практике, а дальше – утряска, отшлифовка положений и так далее. Поэтому надо определяться, исходя из этой цитаты все-таки этот дуализм как-то преодолеть.

И по поводу этой тенденции, действительно очень серьезной, объединения стран, которые выступают против ДНЯО и которые, по сути дела, обсуждают свои проблемы, уже не привлекая ядерные страны. То есть это не диалоговый процесс, а такой монолог и манифест, и попытка придать этому легитимный характер. Ну, состояние в мире оправдывает такие вещи.

Когда мы говорим об информационной войне, то аргументы в пользу нашей позиции можно не искать в каких-то таких сверхновационных дипломатических шагах или военных, их трудно найти в нынешней реальности. А вот в рамках этих же договоров в процессе, например, переговоров, если они начнутся, серии СНВ мы же можем аргументировать свою сокращенческую, разоруженческую позицию, как ни условно это все звучит? Можем. Внутри ДНЯО есть аргументы? Есть аргументы, надо просто их поярче излагать и почаще излагать, причем использовать для этого нужные информационные каналы, не только собственные, отечественные, но и зарубежные. Поэтому я думаю, что резерв у нас есть.

И последнее. Нам все-таки надо найти какие-то подходы к новой администрации. Что мы будем предлагать? В частности, в разговоре о ядерном оружии, о сокращении, что, мы будем думать тогда, когда уже будет или Трамп, или Хиллари, или у нас недостаточно интеллектуальных сил, чтобы разработать по меньшей мере два варианта – Хиллари или Трамп? Но мы должны подходить с какой-то уже подготовленной идеологией в этой области, а не **когда уже ведро пустое – по воду**. Уже пришло время не думать и анализировать, а что-то предлагать. Сегодняшняя наша дискуссия показала, что мы способны на это и времени терять не надо. Всё. Спасибо.

С.А. ОРДЖОНИКИДЗЕ(?)

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Пражский Договор – в полгода... Уложились в полгода.

А.Г. ОГАНЕСЯН

Нет, я имею в виду СНВ.

С.А. ОРДЖОНИКИДЗЕ

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Переговоры – 10 месяцев, а ратификация сколько еще? *(Говорят одновременно.)*

К.И. КОСАЧЁВ

Вот видите как...

Уважаемые коллеги, вижу, что есть желание продолжить работу, тем не менее я позволю себе очень коротко подвести определенные итоги.

Мне кажется, что очень хорошо мы сегодня поговорили. Это очень своевременное собрание, очень правильный формат, когда мы говорим и на языке профессионалов, и на языке экспертов, и на языке общественности, и, естественно, на языке парламентариев. И такой разговор должен быть регулярным, он должен быть публичным. Наша сегодняшняя дискуссия транслировалась на сайте Совета Федерации в режиме реального времени, и я надеюсь, что ее видели не только те, кто интересуется этой тематикой здесь, в России, но и те, кто следит за действиями России из-за рубежа. Пусть следят, нам скрывать нечего.

Я услышал (надеюсь, коллеги разделят это мнение) очень много новых идей и предложений. И в общем и целом я могу сделать вывод, что, с одной стороны, ничего чрезвычайно катастрофического с точки зрения обеспечения национальной безопасности России не происходит, она, безусловно, защищается должным образом, и в этом нет никаких сомнений, и ни у кого не должно быть сомнений. С другой стороны, мы видим, что решение этих задач происходит, образно выражаясь, подчеркну, больше усилиями Министерства обороны, нежели усилиями Министерства иностранных дел. Я не хочу тем самым сказать, что кто-то работает лучше, кто-то – хуже.

РЕПЛИКА

Никто не спорит, это так и есть.

К.И. КОСАЧЁВ

Но мы находимся в ситуации, когда нашими основными союзниками продолжают оставаться армия и флот.

И понятно, что это является очевидной дополнительной нагрузкой на российский бюджет. Ресурсы, которые идут сейчас на обеспечение безопасности Российской Федерации, могли бы использоваться и на другие цели, но для этого, безусловно, требуется продвижение вперед в дипломатии, в деле выработки новых соглашений в сфере контроля над вооружениями и, возможно, разоружения, но без ущерба для национальной безопасности Российской Федерации. И

здесь, конечно же, в хорошем смысле слова все средства хороши, и мы должны в этом плане сочетать возможности и усилия всех ветвей власти.

Уважаемые коллеги, у вас с самого начала имелся проект рекомендаций наших парламентских слушаний. Я услышал несколько слов в поддержку тех мыслей, которые там заложены. Мы, разумеется, со своей стороны, в Комитете по международным делам, в Комитете по обороне и безопасности, проанализируем сегодняшнюю дискуссию и, уверен, доработаем этот текст. Если у кого-то есть желание в этой работе принять участие, здесь указаны координаты тех наших сотрудников, которые занимаются доведением текста до ума. Мы предлагаем всем стать соавторами этого документа.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

К.И. КОСАЧЁВ

Спасибо большое. Мы уверены, что этот документ еще претерпит определенные изменения.

Я хотел бы искренне поблагодарить всех участников нашей сегодняшней дискуссии. Особая благодарность основным докладчикам, Вам, Сергей Алексеевич, лично.

И, коллеги, я уверен, до новых встреч. Спасибо большое.
